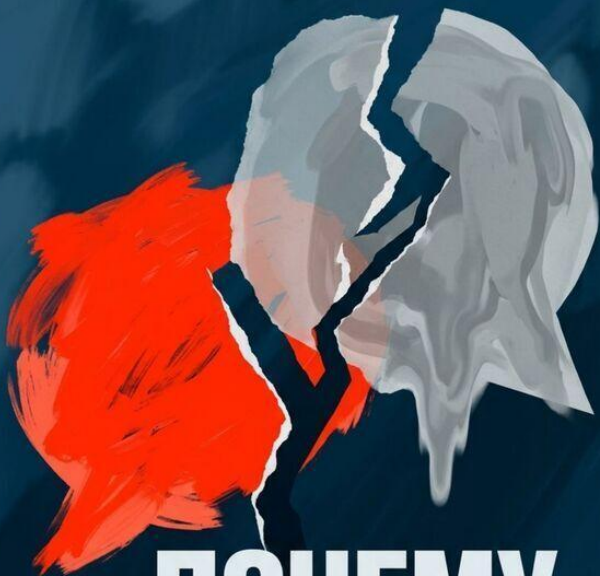

18+

ПОЧЕМУ ТЫ НЕ СПРОСИЛ МЕНЯ **ВЧЕРА?**

Глеб Северцев

Глеб Северцев
**Почему ты не спросил
меня вчера?**

<https://litres.ru/74249487>

ISBN 9785007050159

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Журналист Марк Вебер не ответил на ночной звонок Марен. Утром её нашли мёртвой. Спустя двадцать лет он запускает подкаст «Почему ты не спросил меня вчера?» — расследование, которое перевернёт всё. Коррупция, фальшивые смерти и один вопрос, который нельзя откладывать на завтра. Психологический детектив о цене молчания и силе запоздалой правды.

Содержание

Пролог: Шёпот на автоответчике	5
Глава 1. Вчерашнее солнце	15
Глава 2. Похороны ответов	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Почему ты не спросил меня вчера?

Глеб Северцев

© Глеб Северцев, 2026

ISBN 978-5-0070-5015-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог: Шёпот на автоответчике

Сырость подвала просачивалась сквозь бетонные стены, как чужое долгое дыхание. Следователь Марк Вебер сидел за металлическим столом, на котором громоздились коробки с грифом «Списано. Хранение до уничтожения». Его пальцы, покрытые сеткой мелких морщин — тому виной годы курения и холодные ночи на дежурствах, — перебирали жёлтые пластиковые контейнеры с магнитными лентами. На каждой был наклеен белый прямоугольник, на котором шариковая ручка вывела номер дела, фамилию и год. Двадцать лет. Двадцать лет пыли, тишины и забытых вопросов.

Марк уже не был тем молодым репортёром, который бежал по трупам с блокнотом наперевес. Его лицо обветрилось, виски тронула седина, а в глазах поселилась та особенная усталость, которая появляется у людей, переставших верить в совпадения. Он стал следователем по особо важным делам, но это звание не принесло ему покоя. Оно принесло ему доступ к архивам, которые были закрыты для обычных граждан и даже для большинства полицейских. Сегодня он использовал этот доступ в личных целях — впервые за десять лет.

Дело номер восемьдесят четыре, дробь, ноль три. У него на коленях лежала тонкая папка из выцветшего картона. Имя на обложке: Марен Клейн. Возраст на момент смер-

ти: двадцать шесть лет. Причина смерти, по заключению судебно-медицинской экспертизы: острая сердечная недостаточность, вызванная смещением алкоголя и барбитуратов. Обстоятельства: несчастный случай либо умышленное самоубийство. Вердикт следствия: недостаточно оснований для возбуждения уголовного дела. Не раскрыто.

— Дурацкая формулировка, — пробормотал Марк в пустоту. — «Недостаточно оснований». Значит, никто не хотел искать.

Он открыл коробку. Там лежали вещественные доказательства, упакованные в прозрачные пакеты с усиленными швами. Записная книжка с круглой пуговицей от пальто — она всегда носила пальто с большими перламутровыми пуговицами. Пластиковая расчёска с двумя выпавшими зубьями. Ключи от квартиры на брелоке в виде крошечного стеклянного шара с корабликом внутри. И миниатюрный диктофон серебристого цвета, из тех, что пользовались популярностью в начале двухтысячных у студентов и молодых журналистов.

Марк прекрасно помнил этот диктофон. Он сам подарил его Марен на день рождения. Она тогда рассмеялась и сказала: «Ты даришь мне инструмент для слежки? Ты уверен, что хочешь, чтобы я записывала всё, что ты говоришь?» Он ответил: «Записывай. Хотя бы останется что-то после меня». Горькая ирония судьбы: после неё остался этот диктофон с восьмидесятиминутной кассетой внутри.

Он надел наушники. Проверил, работает ли портатив-

ное устройство для воспроизведения. Батарейки сели, но на складе нашёлся старый плеер с ручной подзаводкой — механическое чудо, которое не боялось времени. Марк вставил кассету, услышал характерный щелчок, нажал на воспроизведение.

Шипение. Шорох одежды. Далекий звук закрываемой двери. И затем — голос. Тот самый голос, который он не слышал двадцать лет, но который узнал бы из миллиона. Низкое, чуть хрипловатое контральто. Марен говорила медленно, словно диктовала завещание.

— Марк... это я.

Пауза. Слышно, как она переводит дыхание. Где-то рядом капает вода — возможно, на кухне, возможно, в ванной, где ей суждено будет умереть через несколько часов.

— У меня неприятности. Приезжай... пожалуйста.

Её голос дрогнул. Марк машинально сжал подлокотник кресла. Он знал каждую интонацию этой женщины: когда она нервничала, она всегда делала микро-паузу после слова «пожалуйста», словно извиняясь за свою просьбу.

— Но только если сможешь сегодня, — продолжила она, и в голосе появилась та самая нотка, которую он когда-то называл «предгрозовой». — Потому что завтра будет поздно. Я не знаю, что будет завтра. Честно говоря, я боюсь думать о завтра.

Снова пауза. На этот раз длиннее. Марк услышал, как она щёлкает зажигалкой — она курила только в состоянии край-

него стресса, хотя бросила за два года до этого. Значит, сорвалась. Значит, дело было действительно серьёзным.

— Почему ты не спросишь меня? — вдруг спросила она, и в этом вопросе прозвучала неожиданная, почти детская обида. — Почему ты никогда не спрашиваешь о главном? Ты задаёшь тысячи вопросов всем подряд: свидетелям, подозреваемым, экспертам. А мне никогда. Я для тебя просто фон, Марк? Звуковое сопровождение твоих командировок?

Она глубоко затянулась. Дым прошелестел над микрофоном — низкий, бархатный звук.

— Ладно. Забудь. Я знаю, ты занят. Я знаю, у тебя важное дело. У всех дела. Только вот дела бывают важнее, чем мы думаем. Приезжай, когда сможешь. Я буду ждать. Как всегда.

Клик — нажатие кнопки «стоп». Кассета продолжила крутиться, записывая тишину, но через три секунды послышалось новое шипение — Марен снова включила запись. На этот раз её голос звучал иначе: жёстче, отрывистее, словно она разговаривала сама с собой перед зеркалом.

— И ещё, Марк. Последнее. Если ты не приедешь сегодня... если ты решишь, что это очередная женская истерика... запомни одну вещь. Ты потерял шанс не потому, что я не звала тебя. А потому, что ты не спросил меня вчера, когда у меня ещё был выбор.

Кассета закончилась. Плеер щёлкнул и отключился.

Марк сидел неподвижно, глядя в одну точку на противоположной стене, где за пыльным стеклом виднелись шкафы

с другими делами, другими жизнями, другими смертями. В ушах всё ещё звучал её голос. Он знал, что это только первая половина того, что он должен услышать. В протоколе изъятия вещдоков значился пункт: «Кассета микро-кассетная, тип МС-60. Содержит запись двух сеансов. Второй сеанс частично стёрт, требуется восстановление цифровыми методами».

Он отложил плеер, взял телефон и набрал номер человека, которому доверял больше, чем начальству, — старого техника из лаборатории цифровой криминалистики.

— Михаил Семёнович, — сказал Марк, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — У меня к вам дело. Личное. Нужно восстановить одну запись. Стертую. Двадцатилетней давности. Да, я знаю, что это сложно. Да, я знаю, что вы на пенсии. Но вы единственный, кто сможет. Когда приехать?

В трубке зашумело, потом раздался знакомый скрипучий голос, прокуренный «Беломором» и прокисший от лабораторных реактивов:

— Марк? Ты что, нашёл скелет в шкафу? Ладно, приезжай. Но учти: за такие вещи люди платят не деньгами. Расплачиваться будешь историей. Я хочу знать, что ты ищешь и зачем. И не ври старику.

Марк посмотрел на фотографию, приколотую к внутренней стороне папки. Марен Клейн, двадцать шесть лет, улыбается на фоне осеннего парка. В руках у неё — раскрытая книга, на голове — вязаная шапка с помпоном, которую она

связала сама, потому что ненавидела магазинные вещи. Она никогда не была красавицей в общепринятом смысле: слишком острые скулы, слишком бледная кожа, слишком внимательный взгляд серых глаз. Но была в ней та порода, которую мужчины замечают не сразу, а потом уже не могут забыть.

— Ты ищешь правду, — сказал Марк фотографии. — А я ищу ответ на один вопрос. Почему я не спросил тебя вчера? Почему я вообще никогда никого ни о чём не спрашиваю вовремя?

Фотография молчала. Только пыль кружилась в луче света, пробивавшемся из высокого зарешеченного окна.

Через три часа Марк сидел в маленькой квартирке Михаила Семёновича, которая одновременно служила ему жильём, лабораторией и архивом. Пахло здесь озоном, старыми журналами и гречневой кашей — верный признак холостяцкого быта. Сам хозяин, сутулый старик с руками, изуродованными артритом, но по-прежнему цепкими и умелыми, колдовал над спектроанализатором, подключённым к древнему компьютеру.

— Запись дерьмовая, — буркнул он, не оборачиваясь. — Стирали не магнитным полем, а просто повторной записью поверх. Обычная бытовая техника. Двадцатилетней давности. Но второй слой я вытащу. Ты мне лучше вот что скажи, Марк. Ты знаешь, кто эта женщина?

— Знал, — коротко ответил Марк.

— Знал? А сейчас уже нет? Странная формулировка для следователя.

— Она умерла, Михаил Семёнович.

Старик наконец повернулся. Его глаза, выцветшие и слезящиеся, но по-прежнему живые и цепкие, впились в лицо Марка.

— Умерла? И ты хочешь узнать, что она сказала перед смертью? Обычно люди ищут завещание, а не стёртые плёнки.

— Она сказала: «Почему ты не спросил меня вчера, когда у меня ещё был выбор», — процитировал Марк. — Это фраза. Для меня она ничего не значит. Но, возможно, для неё она значила всё.

— Хм. — Михаил Семёнович почесал затылок. — Ладно. Через час будет готово. Пей чай, не мешай.

Марк пил чай, глядя на закопчённую стену. Время тянулось медленно, как смола. Он прокручивал в голове последние дни перед её смертью. Сентябрь две тысячи третьего года. Он работал над серией репортажей о коррупции в городском банке. Марен работала в архиве полицейского управления — сортировала дела, оцифровывала протоколы, помогала следователям находить нужные бумаги. Они виделись почти каждый день, но не были любовниками. Станные, полу-отношения: дружба с налётом флирта, флирт с привкусом недосказанности. Он не решался сделать первый шаг, потому что боялся испортить ту лёгкость, которая была между

ними. Она не решалась, потому что — как он понял теперь — ждала какого-то особенного вопроса.

Какого? Вот этого он не знал до сих пор.

— Готово, — объявил старик.

Марк подошёл к динамикам. Михаил Семёнович нажал «воспроизведение». Сначала шёл чистый шум — плёнка жаловалась на возраст. Потом, сквозь треск и свист, пробился голос Марен. Но другой — не тот, что на первом слое. Этот голос был испуганным, торопливым, словно она шептала в трубку, стоя на краю обрыва.

— ...нашла. Я всё нашла, Марк. Дело номер одиннадцать. Там, где банкир и танцовщица. Ты думал, это самоубийство. Ничего подобного. Это было убийство. Я видела заключение экспертизы, которое не внесли в официальные материалы. Тот выстрел не мог быть самоубийством, потому что у неё было... (здесь запись провалилась в шум на три секунды) ... переломаны пальцы. Она не могла нажать на спуск. Кто-то держал её руку. Кто-то, у кого есть доступ к архиву. Марк, пожалуйста, перезвони. Прямо сейчас. И не говори никому, что я тебе это сказала. Особенно...

Шум снова съел имя. Но Марк и без того понял, о ком речь. В две тысячи третьем году он расследовал самоубийство жены банкира Франка Бреннера. Официальная версия: женщина, страдавшая депрессией, застрелилась из охотничьего ружья, принадлежавшего мужу. Нестыковка: ружьё было двуствольным, и на спусковом крючке не нашли отпе-

чатков пальцев жертвы — только мужа. Тогда это списали на то, что она вытерла оружие. Дурацкое объяснение, но прокурор его принял.

— Всё, — сказал Михаил Семёнович, выключая запись. — Больше ничего нет. Плёнка убитая. Но того, что есть, достаточно, чтобы открыть дело заново. Ты же понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Марк. — Вопрос в том, как это сделать, не подставив себя. Я был репортёром в том году. Я подписал статью о самоубийстве. Моя репутация тоже будет гореть.

— Твоя репутация — это цветочки, — усмехнулся старик. — А вот твоя подруга... как её... Марен. Её убили не за красивые глаза. Она нашла то, что не должна была найти. И они дали ей понять, что выбор у неё только один. Или молчание, или...

Он не договорил. Марк закончил за него:

— Или смерть. Которая выглядит как несчастный случай.

— Именно, — подтвердил Михаил Семёнович. — Так что, Марк, прежде чем копать дальше, ответь себе на один вопрос. Ты готов узнать правду, даже если она уничтожит всё, во что ты верил последние двадцать лет? Потому что если да — тогда поехали. Но предупреждаю: обратной дороги не будет.

Марк посмотрел на восстановленную запись, на фотографию Марен, на свою собственную жизнь, которая с этой минуты разделилась на «до» и «после». И сказал:

— Я готов. Потому что если я сейчас отступлю, то превращусь в того, кто так и не спросил её вчера. А это значит, что я буду жить с этим вопросом до самой смерти. Лучше уж умереть с ответом, чем жить с вопросом.

— Хорошая фраза, — заметил старик. — Запомни её. Возможно, она станет твоим эпитафием.

Глава 1. Вчерашнее солнце

Тот день начался для Марка Вебера с дождя. Не просто дождя — с той мерзкой мороси, которая в Берлине в сентябре проникает под одежду, забирается за воротник и делает всех людей одинаково несчастными и некрасивыми. Он стоял на платформе вокзала, прижимая к груди дипломат с ноутбуком, и ждал, когда из тамбура электрички покажется знакомая фигура.

Марен опоздала на семнадцать минут. В те годы это было нехарактерно — она всегда появлялась ровно в назначенное время, словно боялась украсть у мира лишнюю секунду. Но в то утро она вышла из вагона бледная, с тёмными кругами под глазами, и Марк сразу понял: что-то случилось. Её обычно аккуратно уложенные в узел волосы рассыпались по плечам, плащ был накинута наспех, и левая пуговица болталась на нитке.

— Ты не спала? — спросил он вместо приветствия.

— Спала, — ответила она, избегая взгляда. — Просто кошмары.

— О чём?

— О вчерашнем дне. Ты будешь кофе?

Она не ответила на вопрос, свернула к киоску на перроне, купила два стаканчика крепкого американо и протянула один Марку. Пока они шли к выходу с вокзала, она молча-

ла. Молчала так, что молчание стало плотным, почти осязаемым.

Марк попытался разрядить обстановку тем единственным способом, который умел, — работой.

— Ты видела сводку за прошлую неделю? Снова самоубийство. Банкир застрелился в собственном кабинете. Жена нашла. Говорят, оставил записку, но я не видел.

— Записку? — переспросила Марен, и в её голосе мелькнуло что-то похожее на насмешку. — Ты веришь в предсмертные записки, Марк? В моей практике все предсмертные записки похожи на тот текст, который человек хотел бы написать, а не на тот, который он написал на самом деле. Их составляют из страха, что подумают соседи. Или из желания кого-то обвинить. Или чтобы скрыть правду.

— Ты сегодня какая-то философская, — заметил он. — Недосып, да?

— Недосып, — согласилась она. — И кое-что ещё. Ты пишешь о смертях, но боишься спросить, как у меня дела на самом деле.

— А что с тобой не так?

Они как раз вышли на площадь перед вокзалом. Дождь превратился в слабую изморось, и сквозь серые тучи пробился робкий солнечный луч — совершенно неуместный, словно актёр, вышедший не в ту сцену. Марен остановилась, подставила лицо этому лучу, закрыла глаза и сказала:

— Всё так. Вопрос во времени. Ты спросишь меня об этом

завтра — я отвечу нет. Если спросишь сегодня — может быть, да.

— Что за загадки? — Марк почувствовал раздражение. Ему не нравилось, когда люди говорили загадками. Он работал с фактами, с протоколами, с вещественными доказательствами. А метафоры оставлял поэтам.

— Никаких загадок, — открыла глаза Марен. — Просто обычный человеческий разговор. Ты когда-нибудь слышал поговорку «Утро вечера мудренее»? Так вот, это неправда. Вечер всегда знает то, чего не знает утро. Потому что вечер — это итог дня. А утро — это надежда, которая чаще всего не сбывается.

— Ты на что намекаешь?

— Ни на что. — Она улыбнулась, но улыбка вышла кривой. — Ладно, иди. У тебя же задание. Самоубийство банкира. Расследуй его как следует. Может, найдёшь то, что я пропустила.

— Ты что, знала банкира?

— Я знала его жену, — ответила Марен и быстро пошла в сторону полицейского управления, оставив Марка одного на площади с остывающим кофе и непонятным чувством тревоги, которое он, как заправский профессионал, предпочёл не заметить.

Задание действительно было важным. Франк Бреннер, пятьдесят три года, владелец частного банка, который в на-

роде называли «банком для богатых вдов», был найден мёртвым в собственном кабинете. Смерть наступила от огнестрельного ранения в голову. Оружие — дуствольное охотничье ружьё двенадцатого калибра — лежало на полу, рядом с креслом, в котором, по предварительным данным, сидел покойный. Вдова, Эльза Бреннер, обнаружила тело в десять утра, когда принесла мужу завтрак. Она не кричала, не рыдала, а тихо, спокойно вышла из кабинета, спустилась на первый этаж и набрала ноль-один-ноль. Оператор скорой помощи потом рассказывал, что её голос звучал так, будто она заказывала пиццу.

Марк прибыл на место происшествия через час. Дом Бреннеров стоял в престижном районе, окружённый вековыми дубами и чугунной оградой с позолоченными навершиями. У ворот уже толпились репортёры из жёлтых газет, но Марк прошёл через служебный вход — у него был аккредитационный пропуск, позволявший находиться там, где появлялись только следователи и криминалисты.

В кабинете было душно, пахло пороховой гарью, дорогим табаком и чем-то ещё — лекарственным, аптечным. На столе лежала раскрытая записная книжка, рядом — авторучка с золотым пером. На ковре, тёмно-бордовом, почти чёрном, расплылось бурое пятно, которое уже успели обвести мелом криминалисты.

— Вебер, ты вовремя, — окликнул его следователь Клаус Рихтер, тот самый, который позже, через двадцать лет, при-

шлёт ему письмо перед смертью. Тогда Клаусу было пятьдесят семь, его лицо пересекал шрам от уха до подбородка — память о задержании вооружённого грабителя в девяностом. Он курил одну за другой, не обращая внимания на табличку «Не курить» на двери.

— Что имеем? — спросил Марк, доставая блокнот.

— Имеем классику, — усмехнулся Клаус. — Богатый мужик, красивая жена, финансовые проблемы. Предсмертная записка. Почерк эксперты подтвердили — его. Содержание: «Простите, я больше не могу». Банально до зубного скрежета.

— А ружьё? Откуда у банкира охотничье ружьё?

— Охотился. По выходным. Говорят, неплохо стрелял по уткам, — Клаус выпустил клуб дыма в потолок. — Вот только в себя стрелял, видимо, впервые. Не рассчитал угол. Пуля вошла в правый висок, а он был левшой. Ты заметил?

Марк посмотрел на письменный стол. Авторучка лежала справа от блокнота, но колпачок был снят левой рукой — характерное положение для левши. Чёрт.

— Ты хочешь сказать, что он застрелился не своей рукой?

— Я хочу сказать, что самоубийца-левша стреляет либо в левый висок, либо в рот. В правый — только если его кто-то держал за руку. Или если он очень хотел, чтобы это выглядело как самоубийство, но не знал элементарной анатомии, — Клаус затушил окурок о подошву ботинка и спрятал его в карман — отпечатки, улики, всё по правилам. — Но это мои

личные сомнения. Прокурор сказал: «Закрывать дело». Есть записка, есть оружие, есть мотив — банк на грани краха. Всё.

— А что вдова? — спросил Марк.

Клаус поморщился.

— Вдова — отдельная песня. Красивая, ухоженная, лет на двадцать пять младше мужа. Плачет ровно настолько, чтобы не испортить макияж. У неё алиби: ночью она была у подружки. Есть свидетельница. Другая женщина, разумеется. Они пили вино и смотрели старые фильмы до двух ночи. Потом она вернулась домой, легла спать в гостевой спальне — якобы чтобы не мешать мужу работать. Утром пошла будить его с завтраком. Нашла.

— Слишком чисто, — заметил Марк.

— Вот именно, — кивнул Клаус. — Слишком чисто для реальной жизни. В реальной жизни люди оставляют следы — волосы, отпечатки, неловкие показания. А здесь всё вылизано. Но доказывать нечего. Так что, Вебер, пиши свою статью. Но запомни мои слова: настоящий убийца тот, кого мы даже не подозреваем. Потому что он или она задали правильные вопросы вчера, а мы задаём неправильные сегодня.

Марк закрыл блокнот. Ему не давал покоя образ — вдова, спокойно звонящая в полицию. Женщина, которая только что нашла мужа с пробитой головой, говорит как робот. Это было ненормально. Но профессия репортёра заключалась не в том, чтобы искать норму, а в том, чтобы описывать факты. Он опишет факты: самоубийство, финансовый

кризис, предсмертная записка. И забудет. Как забывал сотни других смертей.

Только вот не забыл. И не потому, что дело было резонансным. А потому, что в тот же вечер он встретил Марен.

Она ждала его в маленькой итальянской траттории недалеко от его съёмной квартиры. Заказала бутылку кьянти, хотя никогда не пила вина в одиночку — это был намёк, что она планировала выпить с ним. Марк опоздал на час — репортаж затянулся, пришлось брать интервью у эксперта-баллиста.

Когда он вошёл, Марен сидела за столиком у окна, водила пальцем по ободку бокала и смотрела на улицу. Дождь кончился, асфальт блестел, и в лужах отражались огни реклам.

— Ты голодная? — спросил он, садясь.

— Я устала, — ответила она. — И напугана. Марк, ты не представляешь, что я сегодня видела.

— Расскажи.

— В архиве. Я работала с материалами десятилетней давности. Дело об убийстве танцовщицы. Официально его закрыли как несчастный случай — передозировка. Но я нашла протокол вскрытия, который почему-то не внесли в электронную базу. Там было иное заключение: смерть от удушья, а передозировка — инсценировка. И подпись патологоанатома, который через месяц после этого исчез.

Марк нахмурился.

— Какое отношение это имеет к самоубийству банкира?

— Прямое, — Марен наклонилась вперёд, понизила голос до шёпота. — Танцовщица была любовницей Франка Бреннера. Банкира, которого ты сегодня описываешь. Убийство танцовщицы произошло через три дня после того, как она пришла в полицию с заявлением об изнасиловании. Заявление приняли, но потом оно исчезло. Вместе с девушкой.

— Ты хочешь сказать, что Бреннер — убийца?

— Я хочу сказать, что кто-то очень богатый и влиятельный помог ему замести следы. И что этот же «кто-то» сейчас сидит в полицейском управлении и имеет доступ к архиву. Потому что дело об убийстве танцовщицы было сфабриковано профессионалом. Тем, кто знает все процедуры, все лазейки, все слабые места системы.

— Марен, — мягко сказал Марк, беря её за руку. — Это серьёзные обвинения. Ты можешь их доказать?

— Я могу показать тебе копии документов, которые сделала сегодня, — ответила она, и в её глазах зажглась та искра, которую он так любил — искра бесстрашия и жажды справедливости. — Но для этого нам нужно поехать ко мне. Прямо сейчас.

Он посмотрел на часы. Было десять вечера. Завтра рано утром у него была планерка в редакции.

— Давай завтра, — сказал он. — Я устал. Ты устала. Утро вечера мудренее, помнишь?

— Это ты говоришь? — Марен убрала руку. Её лицо ока-

менело. — Ты, который всегда учил меня, что правда не терпит отлагательств? Ты, который носился с каждым фактом, как с писаной торбой? Завтра, Марк, может быть поздно.

— Почему поздно? — спросил он, искренне не понимая.

Марен посмотрела на него так, будто видела впервые. Долгим, изучающим взглядом. Потом встала, накинула плащ, взяла сумочку.

— Потому что я сегодня была в кабинете Франка Бреннера. Не как журналист, как сотрудник архива. Я приносила туда старые дела по его запросу. И я заметила кое-что. На его столе лежала фотография. Та самая танцовщица. С дарственной надписью. Он хранил её двадцать лет. Зачем убийце хранить фото жертвы?

— А может, он не убийца?

— Тогда кто? — Марен уже стояла в дверях. — Кто, Марк? Тот, кто держал его за руку, когда палец нажимал на курок? Или тот, кто подписал фальшивое заключение? Или тот, кто стёр все следы в компьютере?

— Я не знаю, — честно признался Марк.

— Вот именно. Ты не знаешь, потому что не хочешь знать. Ты предпочитаешь комфортное неведение. Это называется трусостью, Марк. Иногда вопрос, заданный вовремя, может спасти жизнь. А вопрос, отложенный на завтра, может стать эпитафией.

Она вышла на улицу, хлопнув дверью. Марк остался сидеть за столиком, глядя на недопитое вино и пустой бокал

на её месте. Он думал: «Почему она злится? Что я сделал не так? Я просто устал». Он не знал, что это был последний разговор, который они вели как живые люди. Что завтра утром он проснётся от звонка Клауса Рихтера, и голос старого следователя скажет:

— Вебер, твоя подружка из архива. Марен Клейн. Найдена мёртвой. Смесь алкоголя и снотворного. Выглядит как несчастный случай. Но у меня на этот счёт другое мнение.

— Какое? — спросит Марк, ещё не понимая, что его жизнь только что разделилась на «до» и «после».

— Я думаю, ей не дали спросить то, что она хотела спросить. Или она не успела. Приезжай, Вебер. И захвати её фотографию. Нам нужно поговорить о том, что вы видели вчера.

Но до этого завтрашнего утра оставалось ещё десять часов. Десять часов, в течение которых Марк Вебер, тридцатилетний репортёр, который знал цену словам и не знал цены молчанию, лёг спать, выключил телефон и не услышал ни одного из четырёх звонков, которые Марен сделала ему в промежутке между одиннадцатью ночи и часом ночи.

Не услышал.

Или не захотел услышать.

Это различие станет главным вопросом всей его оставшейся жизни.

Глава 2. Похороны ответов

Утро следующего дня не наступило. Оно ворвалось в жизнь Марка Вебера, как выстрел из того самого ружья, которое он видел вчера в кабинете банкира. Резко, грязно, неожиданно.

В семь тридцать зазвонил домашний телефон. Марк, который лёг в два ночи после бессмысленного пересматривания новостей по телевизору, сначала не понял, где находится. Потом нащупал трубку на тумбочке, поднёс к уху и услышал голос Клауса Рихтера — не тот вчерашний, насмешливый и усталый, а другой, какой-то плоский, лишённый интонаций.

— Вебер, ты спишь? — спросил следователь.

— Уже нет, — ответил Марк, протирая глаза. — Что случилось?

— Случилось то, что не должно было случиться. Твоя подруга из архива. Марен Клейн.

Сердце Марка пропустило удар. Он сел на кровати, напавшая ногами тапочки.

— Что с ней?

— Она умерла, — сказал Клаус без всякой подготовки. Так, будто сообщал о погоде за окном. — Сегодня ночью. Предварительно — смесь алкоголя и снотворного. Выглядит как несчастный случай. Или самоубийство.

Марк замер. В голове пронеслась вчерашняя сцена: Марен в дверях траттории, её испуганные глаза, её голос, срывающийся на шёпот. «Завтра, Марк, может быть поздно». Она знала. Она что-то знала, что должно было случиться именно сегодня ночью. Или, может быть, она чувствовала, что сегодня ночью случится что-то с ней.

— Ты уверен? — спросил он глухо.

— Уверен настолько, насколько можно быть уверенным до вскрытия, — ответил Клаус. — Но я тебе скажу вот что, Вебер. Я видел много смертей. От несчастных случаев, от самоубийств, от убийств. И у меня натренированный глаз. В её квартире что-то не так. Что-то не складывается. Ты знал её лучше меня. Приезжай. Может, заметишь то, что я пропустил.

— Куда приезжать?

— На место. Улица Лидендорф, дом четырнадцать, квартира двадцать три. Подъезд оцеплен, но я скажу дежурному, чтобы пропустил тебя. И Вебер... захвати вчерашнюю статью. Ту, про самоубийство банкира. Мне кажется, эти две смерти связаны.

— Чем? — спросил Марк, хотя уже знал ответ.

— Пока не знаю. Но Марен вчера в архиве запрашивала материалы по старому делу об убийстве танцовщицы. А это дело, как выяснилось, имеет прямое отношение к господину Бреннеру, покойному банкиру. Ты понимаешь, о чём я?

— Понимаю, — сказал Марк, хотя на самом деле не пони-

мал ничего. Точнее, понимал слишком много, и это «слишком много» пульсировало в висках тяжёлой, болезненной пульсацией.

Он положил трубку и долго сидел на краю кровати, глядя в стену. На стене висела фотография, которую он сделал прошлым летом в парке. Марен в соломенной шляпе, с книгой в руках, смеётся над чем-то, что он сказал. Ирония судьбы: он помнил тот день, но совершенно не помнил, что тогда сказал. А она, наверное, помнила. Она помнила всё.

Квартира на Лидендорф оказалась типичной берлинской «старой застройкой»: высокие потолки, лепнина на стенах, паркет, который скрипел при каждом шаге. Подъезд пах кошками и капустой — кто-то на первом этаже варил суп, несмотря на ранний час. У дверей квартиры двадцать три стояли двое полицейских в форме, которые проводили Марка тяжёлыми взглядами, но пропустили без лишних слов — Клаус слово сдержал.

Внутри было светло. Слишком светло для места, где только что умер человек. Марк ожидал увидеть полумрак, задёрнутые шторы, беспорядок. Но комната выглядела так, будто хозяйка просто вышла на минуту и сейчас вернётся. Книги аккуратно стояли на полках, на столе — чашка с остатками чая, рядом — диктофон и стопка бумаг. На подоконнике — герань в горшке, политая, живая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.